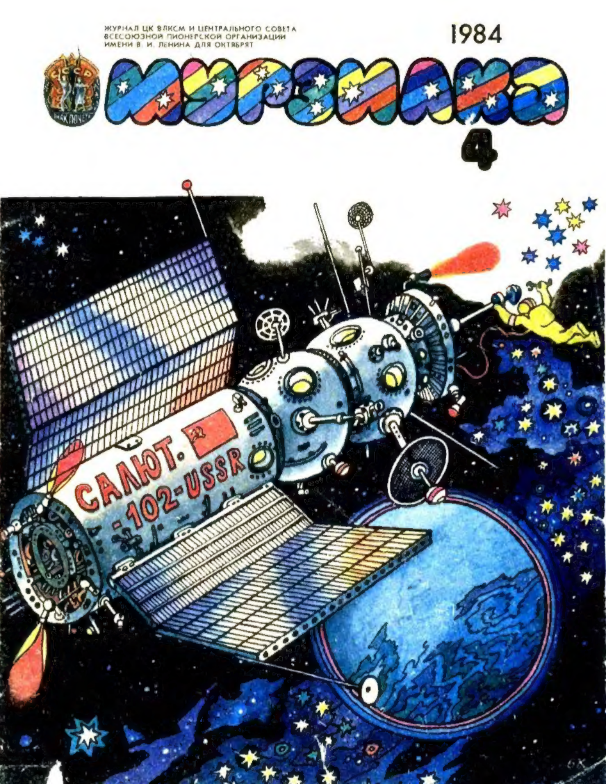

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ
1984
МУРЗИЛКА
4
САЛЮТ-
-102-USSR

КРАСНЫЙ ЦВЕТОК

Дорогой октябрёнок!
Идёт Всесоюзная неделя октябрят,
посвящённая 60-летию создания
октябрятских групп.
Завершается неделя 22 апреля праздником
в честь дня рождения В. И. Ленина.
Выучи и прочитай на празднике
это стихотворение.

З. АЛЕКСАНДРОВА

Последние льдинки ломает весна,
Весенняя улица флагов полна.
Пришли октябрята нарядные в класс.
Все знают, что праздник сегодня у нас.

И, словно узнав о торжественном дне,
Цветок распустился на школьном окне.
Такой настоящий, весёлый, живой,
С блестящею тёмно-зелёной листвой.

Апрельским деньком возле классной доски
Он звёздочкой красной раскрыл лепестки.
Высокий, стоит он у всех на виду
И вправду немножко похож на звезду.

Ребята ему помогали расти,
Они торопили его расцвести.
И счастливы, что распустился цветок
К рождению Ленина, в заданный срок.

Рис. Л. НИЖНЕГО

КАК МЫ ВСТРЕЧАЛИ СКВОРЦОВ

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Жавороночья пора проходила, и на смену ей являлась не менее волнующая: со дня на день должны были прилететь скворцы. Эти озорные, весёлые пересмешники-пародисты, объявившись, надолго останутся с нами как бы в награду за то, что мы, люди, избавляем их от больших забот-хлопот по сооружению гнездовий, строим для них домики один краше и замысловатее, затейливее другого. Я, например, с ползимы начинал одолевать своего дедушку Михайлу, чтобы он, великолепный мастер строить скворечники, поскорее приступал к делу.

Дедушка каждую весну обновлял скворечные жилища, старые домики отправлялись либо на топку, либо на ящики для помидоров будущего урожая.

На изготовление одного скворечника у старика уходило несколько дней и даже ночей, поскольку конструкция была весьма сложной: скворечник снабжался крылечком с железной крышей над ним, с какими-то изразцами по краям и ещё чем-то, настолько уж хитроумным, что и не назовёшь, что бы это было такое. При входе на крыльцо дед встраивал ограждение из тонкой проволоки: оно свободно впускало в дом его законного хозяина, то есть скворца, но не позволяло проникнуть туда пернатым хищникам — вороне или сороке, да и кошке тоже.

Над крышей самого домика маячила красивая, вся в согревающих глаз придумках маленькая кружевная труба.

Мне нравились такие скворечники, и я канючил у деда:

— Деда Миша, скворцы прилетели.

— Правда? А не спутал ли ты, тёзка, их с воробушками?

— Не, не спутал. Ванька сказывал. Он видал на Хуторе.

— Врунишка твой Ванька. Скворцы так рано не прилетают.

— Почему? — спрашивал я.— На улице-то тепло.

— А снег?

— Он скоро растает.

— Вот тогда и прилетят твои скворцы, Мишанька,— и дед раскрывал передо мной свою неписаную азбуку природы.— Прилети они сейчас — помрут от голоду. Скворцы чем питаются?

— Червяками.

— Правильно. А где живут червяки?

— В земле.

— И опять верно. А где она сейчас, земля?

— Под снегом.

— Под снегом, стало быть, и хоронятся червячки и разные букашки. Уберётся снежок с полей, объявятся на огородах большие проталины, выползут погреться на солнышке малые божьи твари — скворец тут как тут. Цап-царап их длинным своим клювом — и сыт, и нос в табаке...

— Разве скворцы табак клюют? — удивлялся я.

— Не клюют, конечно. Они не такие дураки, как твой отец или дядя Петруха. Просто поговорка есть такая: «Сыт, пьян, и нос в табаке». Придумана она, Мишанька, для непутёвых мужиков. Надеюсь, ты не будешь таким?

— Не буду,— заявлял я решительно, потому что успел в достаточной степени наглядеться на своего родителя, когда тот был и сыт, и пьян не в меру, и табачищем от него разило за версту, и когда он был не только противен внешне, но и опасен, потому что лез на всех с кулаками.

— И не надо, Мишанька,— удовлетворённо говорил дед и, успокоенный, возвращался к скворцам: — Дней через

Рис. Н. УСТИНОВА

десять, не раньше, твои крикливые гости пожалуют. А к тому времени я тебе сколочу не один скворечник, а сразу два и сам принесу к вам. Один поставим во дворе, а другой — на улице, под окном, чтобы ты мог слушать песенника прямо из дому.

— Вот здорово! — восклицал я и, подпрыгнув, повисал на дедушкиной шее, обхватив её своими тонкими, но крепенькими ручонками. Неловко тыкался в его бороду: мне хотелось расцеловать человека, который после моей матери был для меня, пожалуй, самым дорогим и близким.

К прилёту скворцов почти во всех дворах, на шестах, увенчанных ветвистыми сучьями, или на вётлах, растущих перед домом, золотились новенькие, некрашеные (краску эта избалованная птица не любит, мы это знали) домики для них, радуя расцветающие наши ребячьи души.

Каждому хотелось, чтобы именно на его подворье объявился первый скворец, чтобы потом можно было заявить об этом во всеуслышанье.

Зная, что прилетает он рано поутру, я просыпался до восхода солнца и, закутавшись во что попало, выходил во двор, усаживался на пеньке и не отрывал глаз от скворечника часами. Ёжился при этом от утреннего морозца, чаще орудовал рукавом шубейки под своим всё более увлажняющимся носом, но терпел, не уходил в избу: вдруг, думал, прилетит, а я и не увижу.

Терпение моё в конце концов вознаграждалось. Правда, я не улавливал самого мига, в какой птица объявлялась, и обнаруживал её лишь тогда, когда она уже высовывала свой длинный клюв из домика и издавала звонкий, предупреждающий всех и вся свист: вот он, мол, я, прилетел!

Прежде чем вспорхнуть на ветку и уже оттуда сообщить эту новость всему белу свету, скворец раз десять кряду нырнёт в своё новое жилище, исследует его со всей возможной тщательностью.

Ведь не кому-нибудь ещё, а ему приходилось принять ответственное решение: годится ли домик для того, чтобы в нём жить и выводить потомство?

Самец первым и прилетает к местам гнездовья. Найдя новое жилище вполне подходящим, он сперва взлетит на его крышу, помашет там часто-часто своими крылами, посеребрёнными снизу под цвет брюшка, затем переберётся на самую высокую ветку и там уж даст полную волю своему редкому дарованию петь и под соловья, и под воробышка, и под горлицу, и под грача, и даже под гортанного долгожителя — чёрного ворона. Целая капелла в одном малюсеньком горле — это ли не диво, это ли не чудо?! И где только, когда и как подслушал он на коротком своём веку все эти разнозвучные птичьи голоса. И если бы только птичьи — скворец вам изобразит и кошачье мяуканье, и коровий мык, и блеяние овцы, и промекекекает по-козлячьи. Он всяко может, скворец!

Воспетый поэтами всех времён и народов соловей не сможет исполнить и сотую часть этих песен, а мы не устаём хвалить его и восхищаться его голосом. Понимаем, что у соловья хоть и одна песня, но она соловьиная. У скворца вроде бы нету своей собственной песни, но собрать в одно целое великое множество песен и превратить их в нечто единое и неповторимое умеет лишь скворец, и никто другой, — разве этого мало?! Не потому ли ждём мы его прилёта с не меньшей (если не большей) радостью, чем соловья?! Близок он нашему сердцу ещё и потому, что не прячется от нас в тёмных зарослях где-то там за рекой, а заливается, радуется возможности жить, петь и творить прямо на наших глазах, ничего не скрывая — ни своих песен, ни своих любовных сцен, ни своих больших семейных забот, явившихся следствием этой любви...

Дождавшись голосистого друга, я со всех ног мчался к Жуковым, чтобы упредить Ваньку и первым сообщить ему:

— Вань... Ванька! Скворцы прилетели!..

— Подумаешь — у нас тоже! — мгновенно парировал мой приятель.— Ищо вчерась!

— Поди, врёшь? — несколько огорошенный, спрашивал я.

— Ей-богу! Вот те крест! — Но, видя, что этого слишком мало, чтобы я поверил, Ванька тут же добавлял: — Честное пионерское!..

Мать Ванькина, как и всякая мать, не любила, когда дети её лгут, говорят неправду, сокрушённо вздыхала и, грозя сыну ухватом, говорила с горьким упрёком:

— Врёшь ведь, шельма. Ты и во двор-то не выходил ни вчерась, ни нынче.

— Я слыхал, мам.

— Ничего ты не слыхал. Матери-то хотя бы не врал! А ещё пионером называешься. Эх ты!

— Можа, и вправду слыхал, тёть Вера! — вступался я за своего дружка.

— Ах, да ну вас совсем! — И Ванькина мать демонстративно уходила к печке, гремя там ухватами и кочергой.

Мы выбегали во двор, взбирались на завалинку и, задравши головы, ждали появления Ванькиных скворцов. В душе мне было жалко своего товарища, вынужденного из самолюбия лгать, и я наблюдал за его скворечником с не меньшим, чем он, нетерпением. И когда птица с лёта, без всяких предостережений, нырнула в новый и потому незнакомый ещё для неё домик, закричал первым и громче Ванькиного:

— Прилетел! Прилетел!.. Вань, видал?.. Приле-те-э-э-л!

— Да не ори ты так, Миш! — Ванька придерживал меня за рукав, будто я собирался взлететь на ветлу, где крепился скворечник.— Спугнёшь ещё!

Я видел, что Ванькины глаза краснели, и крепко прижимал товарища к себе. И было нам обоим так-то уж хорошо, что и не передать словами.

К 50-ЛЕТИЮ ГЕРОИЧЕСКОГО ПОДВИГА ЧЕЛЮСКИНЦЕВ

ЛЬДЫ, СДАВАЙТЕСЬ!

Павел ГУТИОНТОВ

Рис. Н. РОДИОНОВОЙ

Медведь поймал нерпу. Он прижал её ко льду лапой и замер, подняв голову. Прямо на медведя медленно надвигалась огромная чёрная гора. Гора клином наезжала на лёд, взбиралась на него. Вдоль склонов горы, извиваясь, бежала трещина, целые поля расползались по сторонам, края их поднимались высоко-высоко.

«Горой» был атомный ледокол «Леонид Брежнев» — самый большой и сильный ледокол в мире. Там тоже заметили медведя. Капитан Анатолий Ламехов взял в руки микрофон, и на всех мостиках раздалось: «Внимание, внимание! Справа по борту — белый медведь!» И мы все, кто был в этот момент свободен, бросились к правому борту. Прямо из-под него от чёрной воды поднимались на тридцатиградусном морозе клубы пара, расколотые льдины наезжали друг на друга, ломались, крошились.

Медведь смотрел на нас, не отрываясь, потом не выдержал, бросил нерпу, побежал, побежал... И скоро скрылся.

Я был на атомном ледоколе в октябре прошлого года, когда льды прижали десятки наших судов, которые везли жителям Чукотки самое необходимое — продукты, горючее, оборудование. То был последний в году караван, и моряки спешили прорваться в порт Певек — учёные давно предупреждали, что ледовая обстановка будет здесь небывало сложной. Но грузы были нужны, и моряки рискнули — из Владивостока, вокруг Камчатки, через Берингов пролив пошли они в самое тяжёлое на Севере Чукотское море. И прорваться не успели — суда вмёрзли в лёд...

Посмотрите на карте, как проходит Северный морской путь от Мурманска через Певек до Владивостока. Это не простая линия.

Многие века люди пытались прорваться по нему сквозь льды с запада на восток или с востока на запад. И ничего у них не получалось: в лучшем случае на этот путь приходилось тратить годы с зимовками на неприветливых берегах, где морозы за минус пятьдесят — дело самое обычное, а на много сот километров вокруг не отыщешь ни следа человека.

История помнит отважных мореплавателей, пытавшихся пройти вдоль этих берегов за одну навигацию, то есть без зимовки: только в таком случае можно было говорить о практическом использовании Северного морского пути. Ближе всех к решению этой задачи подошёл шведский путешественник Норденшельд. Он почти пробился к Тихому океану, но уже у берегов Чукотки, как раз там, где минувшей осенью стали и наши суда, его шхуна

вмёрзла во льды и была вынуждена стать на зимовку. Раздосадованный неудачей, Норденшельд заявил после этого, что пройти Северным морским путём за одно лето вообще невозможно.

Его сумели опровергнуть только советские моряки. В самом начале тридцатых годов это сделал наш ледокол «Сибиряков». Правда, в этом же нехорошем месте на востоке Чукотского моря и он потерпел серьёзную аварию, поломал об лёд винты и буквально последние метры шёл... под парусами, срочно сшитыми из найденного на ледоколе брезента.

А в 1933 году по следу «Сибирякова» пошёл по студёным морям пароход «Челюскин» с экспедицией, которую возглавил замечательный советский учёный Отто Юльевич Шмидт. Экспедиция проделала за время пути огромную работу, но опять же здесь, у самой цели, пароход был затёрт льдами, затонул, а люди высадились на льдину.

Вся страна с напряжением следила за их героической борьбой с Арктикой. Я сам знаю человека, родившегося в эти дни, которому родители дали имя Лагшминальд, что означало Лагерь Шмидта на льдине. Люди вслушивались в радиограммы, переданные радистом Эрнстом Кренкелем. На помощь челюскинцам рвался самый тогда мощный наш ледокол «Красин». Все силы были брошены на спасение мужественных полярников. Это было 50 лет тому назад. И вот в апреле 1934 года все 104 человека были сняты со льдины лётчиками полярной авиации. Именно эти лётчики за свой подвиг стали первыми Героями Советского Союза. Вот их имена: Михаил Васильевич Водопьянов, Иван Васильевич Доронин, Николай Петрович Каманин, Сигизмунд Александрович Леваневский, Анатолий Васильевич Ляпидевский, Василий Сергеевич Молоков, Маврикий Трофимович Слепнёв.

Челюскинская эпопея позвала в Арктику новых людей, мужественных и смелых. Слово «полярник» в тридцатые годы воспринималось людьми, как сегодня «космонавт»...

Полвека прошло со времени этих событий. Сейчас целые караваны судов проходят по Северному морскому пути, перевозят по нему сотни и сотни тысяч тонн грузов. На этой трассе работают десятки огромных ледоколов, среди которых атомные: «Ленин», «Леонид Брежнев», «Сибирь».

Но вот снова сигнал тревоги из Чукотского моря: Арктика осталась Арктикой и по-прежнему не собирается без боя сдаваться человеку. Но и человек стал куда сильнее, чем раньше. Все силы нашего полярного флота были стянуты сюда, на восток.

Почти два месяца продолжался этот поединок со льдами. Нелёгкий поединок — погиб теплоход «Нина Сагайдак», команду которого снимали вертолётами. В тяжелейшем положении, с огромной пробоиной в борту оказался «Коля Мяготин», даже на атомоходе «Леонид Брежнев» о лёд сломалась лопасть винта, и водолазам на ходу пришлось устанавливать новую.

И человек победил. Ледоколы вывели все суда, а грузы доставили в Певек. Я был там в эти нелёгкие дни и знаю, что сегодняшние полярники часто вспоминали «Челюскин», экипаж которого вписал в историю освоения Арктики одну из самых ярких страниц.

Эта история продолжается сегодня.

Здравствуй, Мурзилка!

Сердечный привет от детей района Попрад из Чехословакии. Мы прочитали на твоих страницах о конкурсе детских рисунков и плакатов на тему «Мир всей Земле и на все времена» и решили принять в нём участие.

Дом чехословацко-советской дружбы в городе Попраде организовал этот конкурс в нашем районе. Мы отобрали лучшие рисунки и отправляем их в вашу редакцию.

В этих работах словацкие ребята выражают свои заветные мечты. Они хотят спокойно расти, учиться, играть в родном краю у подножия Высоких Татр, хотят, чтобы всем детям Земли всегда светило мирное солнце.

Вера КУНОВА,
директор Дома чехословацко-советской дружбы в г. Попраде

Большое спасибо друзьям из Чехословакии. Мы очень порадовались их рисункам. Надеемся, порадуются и наши читатели, когда увидят в этом номере, как рисуют словацкие ребята.

Редакция «Мурзилки»

Дорогие друзья!

Вам пишут члены клуба интернациональной дружбы города Айтоса. Мы хотим рассказать вам о том, как мы живём и что делаем. В этом году наша страна отмечает сорокалетие со времени освобождения Болгарии от фашизма.

Мы участвуем в операции «Освободители». Разыскиваем имена и адреса советских воинов, памятные газеты, фотографии, рассказывающие о тех, кто освобождал нашу страну от фашистов. Мы всегда с благодарностью думаем о советских солдатах.

Дорогие ребята, если вам известны имена советских воинов, сражавшихся за освобождение Болгарии, сообщите нам.

Члены КИДа города Айтос, Болгария

Мы присоединяемся к этой просьбе болгарских ребят. Ждём от вас, дорогие октябрята, рассказов, писем, воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны, которые участвовали в освобождении Болгарии от фашистов. Мы обязательно перешлём их болгарским друзьям.

Редакция «Мурзилки»

Мир.
Рис. Яны КАНИТРОВОЙ, Чехословакия

Здравствуй, Москва и дети СССР!

Меня зовут Аннета. Мне 11 лет. У меня есть младший брат, ему 8 лет. В школе мы изучаем русский язык. У меня по русскому единица.

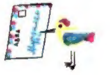
Я с удовольствием читаю детские советские журналы. Особенно мне нравится ваш журнал «Мурзилка». Он интересный и красивый. А ещё я люблю читать такие книги, как «Том Сойер», «Робинзон Крузо». Эти книги, наверное, любят и советские ребята.

Я желаю, чтобы ребята ГДР и СССР всегда жили в дружбе.

Аннета РИХТЕР, г. Берлин, ГДР

Не удивляйтесь, дорогие октябрята, что Аннета с такой гордостью сообщает про свою единицу по русскому. В ГДР — это самая высокая оценка, как у нас пятёрка.

Мурзилка

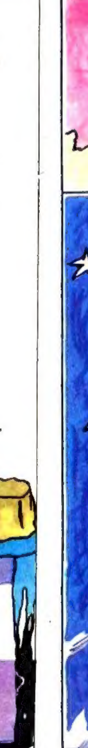

Юрий САКЯН

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДВОР

Задумчиво глядит собака:
«Что ж получается, однако?
Кот молоко из блюдца пьёт,
А курица зерно клюёт,
Но где же, где корова наша?
Вернулось стадо,
вот барашек,
Телята все до одного...
Уж не случилось ли чего?»
Кот размышляет у колодца:
«Пёс лает, курица несётся,
Свинья под деревом пасётся,
А где же, где корова наша?
Вернулось стадо,
вот барашек,
Телята все до одного...
Уж не случилось ли чего?»
Лежит и думает свинья:
«Ах, очень беспокоюсь я!
Наседка делом занята,
Ворчит собака на кота,
Но где же, где корова наша?
Вернулось стадо,
вот барашек,
Телята все до одного...
Уж не случилось ли чего?»
Но тут услышал первым кто-то
Мычанье из-за поворота.
Довольная бредёт корова:
— М-му, я пришла, жива-здорова.
Простите, милые друзья,
Сегодня опоздала я —
Так много на лугу травы...
Напрасно волновались вы!

ДОБРЫЙ СТОГ

Холодок ли пробирал,
Ветерок ли щекотал,
Только стог проснулся,
Вздрогнул,
Встрепенулся:
— Ночь, ни света, ни огня,
Кто же ворошит меня?

— Я, пролётный жучок,
Не ругайся, добрый стог!

— Я, пугливый заяц,
Можно, я останусь?

Воробей сказал:
— И я!
Ужик прошипел:
— И я!
Запищала мышь:
— И я!

Все зашевелились,
Все развеселились.

Стог распрямился,
Сам развеселился:
— Ладно, спать давно пора,
Оставайтесь до утра!

ЦЫПЛЁНОК В КУВШИНЕ

Угодил в кувшин цыплёнок,
Задрожал и вслух решил:
— Или съел меня спросонок,
Или хочет съесть кувшин!

Загудел кувшин от смеха:
— Ох, умора, ну, потеха!
Где ты слышал или видел,
Чтобы я кого обидел,
Чтоб кувшин цыплёнка съел?
Вылезай, покуда цел!

Перевёл с армянского
Я. АКИМ

О КВАЗАРАХ И ДИНОЗАВРАХ

У меня есть друг, он работает в Институте астрономии, наблюдает за звёздами.

Однажды он звонит мне по телефону.

— Слыхал? — говорит.— Новый телескоп построили.

— Какой? — спрашиваю.

— Большой. Самый большой в мире.

«Это,— подумал я,— хорошо, что большой. Чем больше телескоп, тем дальше в него видно».

— А что,— спрашиваю,— в него видно?

— Всю Вселенную.

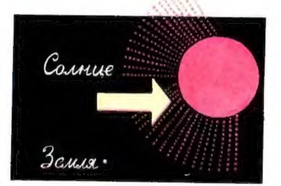
— И даже квазары?

— Как на ладони.

Поглядеть на квазары — заветная мечта моей жизни. Квазары — очень далёкие и очень непонятные объекты Вселенной и, конечно, очень интересные. Я их сравниваю с динозаврами.

Во-первых, квазар и динозавр называются почти одинаково. Сравните: ква-зар — дино-завр. Похоже.

Динозавры — самые крупные животные, крупнее не было. Квазары тоже гиганты. Если, скажем, Солнце — это огромный пылающий шар, рядом с ним наша Земля кажется муравьём. Квазар в миллион раз крупнее Солнца. И тоже горит ярким голубым пламенем. Мы не видим квазары и не ощущаем их тепло потому, что они очень от нас далеки. Но если бы какой-нибудь даже не самый

большой квазар приблизить к нам и поместить где-нибудь рядом с Полярной звездой, то он засияет ярче Солнца. На всей Земле при этом станет светло и жарко — примерно как в Африке в середине дня.

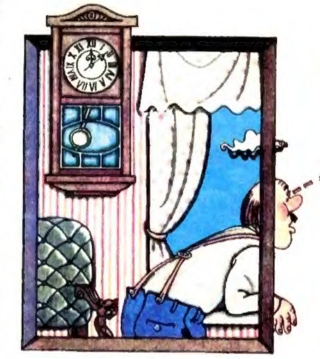
Динозавры давно вымерли, их нет на Земле. Квазары, которые мы наблюдаем, тоже давно исчезли, сгорели, рассыпались на отдельные звёзды или на что ещё. Словом, на том месте, где они видны, их теперь нет. А видны они лишь потому, что свет от них идёт к нам очень долго и приходит с большим запозданием. Даже свет Солнца, которое, можно сказать, рядом с нами, и то приходит к нам с запозданием на восемь минут. Поэтому мы видим Солнце не там, где оно есть в данный момент, а там, где оно было восемь минут назад. Свет квазаров, которые находятся на краю Вселенной, опаздывает к нам на миллиарды лет. То есть мы видим их такими, какими они были миллиарды лет назад. А что было миллиарды лет назад? Вселенная тогда только зародилась и была совсем молодой. Не было ещё нашей Галактики, Солнца, звёзд...

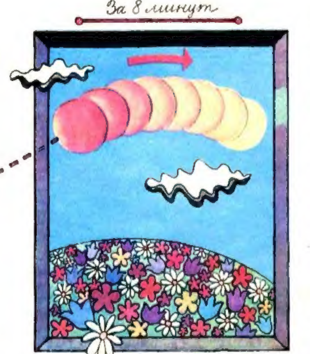
Наблюдая квазары, мы наблюдаем молодые годы нашей Вселенной. Это очень интересно.

— А где он,— спрашиваю,— этот телескоп?

— На Кавказе.

Сажусь в самолёт, лечу на Кавказ.

На Кавказе хорошая погода. Цветут цветы и травы, плывут облака, бежит горная речка Зеленчук. На берегу Зеленчука стоит радиотелескоп РАТАН-600. Переводится это название так: радиоастрономический телескоп Академии наук, диаметр антенны 600 метров.

ТЕЛЕСКОП ПОХОЖ НА ТЕЛЕВИЗОР

Радиотелескоп работает примерно как телевизор.

Телевизор ловит радиоволны, переделывает их в телепередачу. Мы сидим у телевизора, смотрим передачу, а о волнах не думаем.

Радиотелескоп тоже ловит и тоже переделывает радиоволны. Эти волны посылает из космоса любое, хотя бы слегка нагретое, тело. А хотя бы слегка в космосе нагрето почти всё — планеты, кометы, астероиды. А уж то, что нас особенно интересует,— звёзды, квазары полыхают в миллионы градусов.

Качество телепередачи зависит от антенны. Хорошо, когда антенна стоит очень высоко — подальше от городских помех, и хорошо, когда она очень большая.

Антенна РАТАН-600 стоит в горах, сюда не доходят никакие помехи, здесь нет железных дорог, в небе не летают самолёты. А уж какая большая... Когда

я увидел антенну, ноги мои сами остановились. Она стояла прямо на земле, совсем непохожая на антенну, а похожая на чашу гигантского цирка, где могли бы выступать дрессированные динозавры.

Антенна РАТАН-600 — самая большая в мире. И потому может принимать сигналы от самых далёких объектов Вселенной. Или от самых маленьких, от таких, которые ни в какой другой телескоп не видны. Или может рассмотреть плохо видимый до сих пор спутник Юпитера и с большой точностью измерить его температуру, может заметить и изучить ранее неизвестные детали на поверхности Меркурия и даже самого Солнца.

Поглядеть на то, чего раньше никто не видел, приезжают учёные со всего мира.

И я тоже приехал.

КВАЗАР, Я ТЕБЯ ВИЖУ!

Я пришёл в зал, где учёные ведут наблюдения.

— Покажите-ка мне,— говорю я им,— квазары. Хочу поглядеть, как они горят.

— Пожалуйста, глядите,— говорят учёные.— Да торопитесь, а то сгорят.

Это они пошутили. Квазары будут гореть ещё очень долго — миллионы лет. Но и не совсем пошутили. Квазары горят, расходуют топливо, энергию. И уже сегодня горят не так, как вчера, а завтра будут гореть не так, как сегодня. Их интересно наблюдать каждый день.

Меня посадили в кресло оператора. Передо мною — квадратное окошко, в окошке — перо самописца. Квазар ещё не виден, до его появления осталась одна минута.

Антенна, как я сказал, стоит на земле, поэтому неподвижна. Мы не можем повернуть её и нацелить на тот или иной участок неба. Зато подвижна сама Земля. За сутки она делает полный оборот, вместе с ней поворачивается наша антенна и успевает осмотреть всё небо.

Итак, Земле осталось повернуться ещё чуть-чуть.

— Внимание!

Это раздалась команда по громкоговорящей связи.

В тот же момент перо самописца дрогнуло и пошло по бумаге, оставляя за собой длинную, сильно изломанную линию.

Я вцепился руками в кресло.

Я знал: ломаная линия — это и есть портрет квазара, рисунок его пламени. Там, где линия загибается вниз, квазар не так горяч, и пламя горит спокойно. Там же, где линия резко скачет вверх, квазар накалён до предела, а на его поверхности бушует огненный ураган.

Всё действительно как на ладони.

Рис. Э. БЕНЬЯМИНСОНА

ТРИ ЗЕРКАЛА

Радиосигналы падают на Землю ровным потоком — примерно так же, как падает дождь. Этот «дождь» надо собрать и передать на радиоприёмник. Делается это с помощью антенны.

Антенна РАТАН-600 состоит из трёх зеркал. Собраны они из лёгкого алюминия, совершенно гладкие, хорошо отражают радиосигналы.

Сигналы из космоса падают на первое зеркало. Затем, отразившись от его поверхности, попадают на второе. Поверхность второго зеркала круглая. Как всякое круглое зеркало, оно собирает радиосигналы в плотный пучок и посылает их дальше. Третье зеркало собирает сигналы в тонкий луч и подаёт на приёмник. Алло! Говорит квазар!

Чем больше поверхность зеркал, тем больше мы соберём сигналов и тем лучше их будем слышать.

Рассказы Виктора Петровича Астафьева уже четверть века печатаются на страницах «Мурзилки». «Зачем я убил коростеля?», «Гуси в полынье», «Бабка с малиной», «Деревья растут для всех»... Все они вошли в книги.

Читают их все. И малые дети, едва научившись разбирать слова по складам. И их родители. И родители родителей — бабушки и дедушки. И всем эти рассказы нравятся, всем они по душе.

Будущий писатель — уроженец сибирского села Овсянка — рано лишился матери. Воспитывала его — кормила, обувала, одевала, вытирала слёзы — бабушка, сказочница и заботница. Внука своего она научила великой мудрости: любить и обихаживать родную землю, на которой деревья растут для всех, хорошо знать её язык, предания, сказки, загадки. В книге «Последний поклон» Астафьев воспел свою бабушку Екатерину Петровну, и теперь она стала родной многим читателям, как Арина Родионовна — няня Пушкина.

Во время Великой Отечественной войны Виктор Петрович храбро сражался с врагом, был трижды ранен, и на алом знамени Победы есть и его капля крови... Его правдивые жгучие книги о войне звучат грозным предупреждением противникам мира:

— Кто с мечом к нам придёт, тот от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет земля русская.

За свои прекрасные книги писатель удостоен Государственной премии РСФСР и Государственной премии СССР.

1 мая этого года Виктору Петровичу Астафьеву исполняется 60 лет. И взрослые читатели, и ребята от всей души поздравляют его с днём рождения, желают здоровья и благодарят за могучий дар — глаголом, то есть словом, жечь сердца людей и пробуждать в них добрые чувства.

С. РОМАНОВСКИЙ

Поздравляем Виктора Петровича АСТАФЬЕВА с юбилеем!

О МОЁМ ДЕТСТВЕ

Виктор АСТАФЬЕВ

Рано и навсегда я полюбил дивную нашу природу: лес, Енисей, земляничные увалы за селом, звонкие речки, солнце, отвесно стоящее над домами и горами, весенние утра с хрупким ледком на вчера лишь сделанных снеговых ручейках...

Памятны мне и летние деревенские вечера, когда село, разморённое жарою, почти до полуночи всё что-то гоношится, не засыпает, звякая коровьими боталами, стукая вёслами и шестами.

Рис. В. ЛОСИНА

Матери с прутьями в руках ищут по селу ребятишек, пропавших ещё утром со двора, и чаще всего находят их на берегу, и гонят, как блудных телят, домой, стегая и ругаясь

Ну а как забыть осенние дни, когда село наше — и дома, и дворы, и улицы — и маленькое уютное кладбище забрасывало золотом листвы, снесённой ветром с гор, и полными корзинами старые и малые тащили из сосняков боровые рыжики, рубиновую бруснику, пламенную рябину?!

Однако по-особенному, как-то даже притаённо и робко, любил я зимние вечера. Над увалами за селом долго и недвижно багровела красная заря — на ветер. Село цепенело в сумерках от мороза, хрустело под ногами людей, хрупало под копытами лошадей, трещали деревянные избы.

Я катался на санках до позднего часа и до полного изнеможения. Каким же наслаждением было продрогшему до последней жилки малому человеку сбросить настывшие катанки с сенной стелькой, высунувшейся в протёртый задник, пальтишко сбросить, шапку да соколом взлететь на всегда жаркую, уютную и гостеприимную русскую печь!

Ещё очень любил я и люблю цветы. На заимке, бывало, заваливал избу жарками, медуницей, кукушкиными слёзками, венериными башмачками...

Бабушка, Екатерина Петровна, похваливала меня: «Вот молодец! Вот молодец!» А я стараюсь, а я таскаю цветы беременем. Но какая посуда в крестьянстве? Банок не было никаких Бабушка в недобитую кринку поставит букет, кое-что посушить на лекарство выберет, а всю остальную красотищу незаметно выкинет на зады заимки под берег. Я найду цветы — и в рёв. Бабушка утешает меня: «Завтра ещё нарвёшь. Цветов-то вон ведь эсколько много!..» И то правда. Цветов на моей родине очень много.

А ещё любил я рыбалку. В трёх километрах от берега Енисея, на Маков-

ском озере, отец соорудил мне плотик, выложил на нём очаг из камней, принесённых с берега реки, и вот на этом плотике стал я жить и рыбачить.

Я рыбачил на вечерней и утренней зорьке удочкой и жерлицей. Рыбы было так много, что за вечер я набрасывал почти полный мешок окунями, сорогой и щуками. На берегу я высыпал рыбу из мешка под большой пень, на желтоватую мерзлоту, и рыба сохранялась до прихода отца. Он оставлял мне хлеба, соли, иногда и сахарку под пнём, а рыбу уносил и продавал по дешёвке на пароходы.

Учалив плотик посреди озера так, чтобы отдувало комаров, я подживлял огонёк и ложился спать на подстилку из осоки, укрывшись стареньким полушубком. Никакого страха и одиночества я не испытывал, перемог, пережил его в первые дни. Озеро и все, кто был на нём, приняли меня к себе, и дружба наша была взаимна и доверительна.

Утром первыми у моего плотика возникали утки — нырки и связи. «Вак-вак», — наговаривали они. Спит, дескать, кормилец, дрыхнет, а между тем утро началось и пора бы и честь знать. Утки подныривали под плотик, собирали крошки, рыбьи потроха и всё, чем можно было возле меня поживиться.

Затем появлялись гуси. Они хлопали по воде крыльями, разминались, обменивались новостями, а может, рассказывали о снах, им привидившихся. Уверенным строем гуси приближались к плотику и отгоняли уток.

Я садился на плотик, потягивался, зевал. Гуси, сбившись в кучу, смотрели на меня, погагакивая: какое, мол, у тебя настроение?

Вечером, когда рыбачил и попадалась мелкая рыбёшка, я не выбрасывал её, оставлял в котелке. Подкидывая рыбёшек гусям, я смотрел, как с криками, с шумом хватали они еду, и хохотал над ними, пробовал кормить с руки — и они выхватывали рыбёшек из пальцев. Утки шныряли тут же, пробками выпрыгивая из воды и у зазевавшегося гуся выхватывали пищу, а он кружился на месте, гагакал, не понимая, что произошло.

Я уже и характеры иных уток и гусей знал: есть воришки, есть драчуны, есть проходимцы, простофили и смирные ребята-трудяги, и кокетливые невесты, особенно красноголовые связи. Вообще, всё это хороший народ, весело с ним, свободно, и время летит совсем незаметно.

Но надо ж и рыбачить когда-то!

Я замахивался удилищем, и по озеру в разные стороны с криком и хлопаньем разлеталась пернатая публика. Гуси плавали в стороне, время от времени вздорно вскрикивали, будто сердились на меня. Утки характером просты, незлопамятны, булькали себе у плотика, норовя сорвать рыбу с крючка. Я кышкал, отгонял их, и вроде бы как игра у нас шла.

Тем временем истаивали туманы, солнце заливало озеро. Стрекозы бились над травою, столбились подёнки, шастали по осоке водяные крысы и, нежно пиликнув, из-за травянистой стрелки выплывали лебеди. Их было двое в этом углу озера, и в траве они прятали уже чуть оперившихся лебедят. Они не обращали на меня никакого внимания. Полные величия и достоинства, бесшумно скользили они по чистой воде, тихо переговаривались между собой и начинали кормиться — подачек от меня они не принимали.

Я втыкал удочку меж брёвен и смотрел на лебедей. И всё вокруг: озеро, как бы осветившееся белизной птиц, травы, леса, кустарники делались наряднее, чище, и было так хорошо, что хотелось мне погладить этих райских птиц, перецеловать каждый тронутый росою лист, каждую смолистую хвоинку и каждую бабочку, благодаря за то, что они есть и я есть вместе с ними.

Юрий КОВАЛЬ

СОЛНЦЕ И СНЕГ

С утра багряное, днём — лимонное, стало к вечеру зимнее солнце цвета ягоды морошки.

Но тепла морошка-ягода, а зимнее солнце — прохладно. Чуть скользят его лучи по деревьям и крышам домов, скользят-пролетают по снежным сугробам.

Ослабело зимнее солнце, никак не может согреть снег, растопить, привести поскорей весну. Быстро склоняется солнце за лес, уходит с небесного склона.

Солнце и снег вроде бы не такие уж большие друзья. Всю зиму старается солнце растопить снег, да ничего не выходит.

Как-то зимним вечером шёл я по лесной дороге, смотрел, как сверкает снег под солнечными лучами и вдруг понял, что солнце вовсе и не старается растопить снег. Оно ласкает снег утром багряными, днём лимонными, а вечером лучами цвета ягоды морошки.

Ласкает его, балует, ладно уж, полежи, брат, полежи в лесах до весны.

СНЕГОДОЖДЬ

Я выглянул в окно узнать, какая погода, и не понял, что там на улице — снег или дождь?

Мутным, серым был воздух, и с неба летело на землю что-то непонятное. Были видны и дождевые капли, и вялые снежинки.

Снегодождь. Опять снегодождь.

Как долго, как мучительно вставала зима в этом году. Выпадет снег — и сразу весело станет. Достанешь санки — и на горку, кататься. А пока едешь на санках с горы, снег уже растаял, пашешь носом землю.

Что за времена? Что за зимы? — вздыхала Орехьевна.— Никогда теперь не будет настоящей зимы.

Надоел снегодождь,— говорил я.— Нужен снегопад.

Как-то в конце декабря, ночью, вышел я на улицу.

Все зимние звёзды были передо мной. И небесный охотник Орион, и Псы — Большой и Малый, и Возничий, и Близнецы.

Что же такое делается-то? — обратился я к Ориону.— Снегодождь.

И тут тряхнул Орион плечом, и с плеча его полетела на землю звезда, за нею — другая, третья. Начался настоящий декабрьский звездопад.

Затихли скоро звёзды, угасли, и откуда-то из чёрных глубин ночи явились снежинки. Звездопад превратился в снегопад.

Повалил снег валом, и вся деревня — дома и сараи превратились вдруг в сказочный город.

И сразу мне стало ясно, что снег этот лёг окончательно и надолго и будет лежать до тех пор, пока виден на небе Орион. Значит — до самой весны.

ЧЕРНОЕЛЬНИК

Скрытые от глаз, в глубине леса прячутся чёрные ёлки.

Если случайный человек забредёт в черноельник, он и не заметит, куда попал. Вроде бы все ёлки зелёные, а они-то черны.

Точно так получается и с берёзами. Люди давно привыкли, что берёзы белы, и не замечают, что среди них много розовых.

Глубокой зимою, в оттепель, наткнулся я на чёрные елки. Ветки их были завалены снегом, и я не сразу понял, что они черны. И вдруг увидел, как зияет под снежными шапками странная чернота.

Стало как-то не по себе. Я и раньше слыхал про черные ёлки, но думал это так — болтовня. Огляделся.

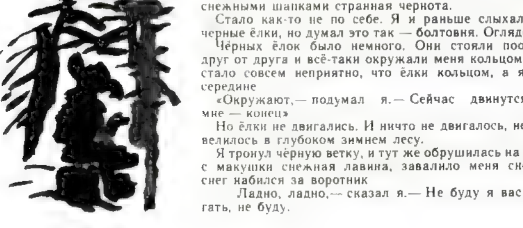
Чёрных ёлок было немного. Они стояли поодаль друг от друга и всё-таки окружали меня кольцом. Тут стало совсем неприятно, что ёлки кольцом, а я — в середине.

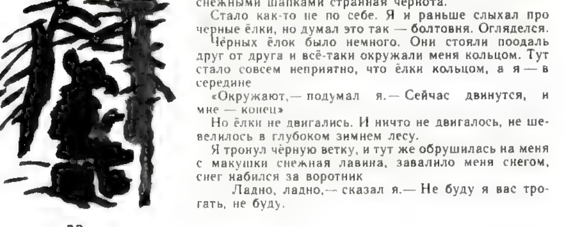
«Окружают,— подумал я.— Сейчас двинутся, и мне — конец».

Но ёлки не двигались. И ничто не двигалось, не шевелилось в глубоком зимнем лесу.

Я тронул чёрную ветку, и тут же обрушилась на меня с макушки снежная лавина, завалило меня снегом, снег набился за воротник.

Ладно, ладно,— сказал я.— Не буду я вас трогать, не буду.

В руке у меня остались три еловые иголочки. Они были черные как уголь, а пахло от них обычной зелёной смолой. Я спрятал их в спичечный коробок.

Присел на пенёк, посидел, посмотрел.

Лес был завален снегом, но здесь, в черноельнике, было особенно глухо и темно. Совсем мало дневного света проникало в эту глухомань, а ёлки вбирали в себя свет, прятали под ветки, прижимали к стволам.

— Ну вот,— сказал я Орехьевне, вернувшись домой.— Видел чёрные ёлки. Три еловые иголочки принес.

А Дедку-то видел?

Какого Дедку?

Ну как же. Там, в глубине леса, стоят кольцом чёрные ёлки, а посредине Чёрный Дедко сидит. Там прячутся самые черные силы, таятся под ёлочками. Как же ты Дедку-то не видел?

И не знаю как.

Да ты вспомни. На пенёчке не Дедко ли сидел?

На пенёчке я сам сидел.

Ну-ну,— сказала Орехьевна и внимательно оглядела меня.— Ты вроде пока не Дедко. Только глаз у тебя темноват. Смотри уж не сглазь никого.

Да что ты, что ты! — заволновался я.— Не буду.

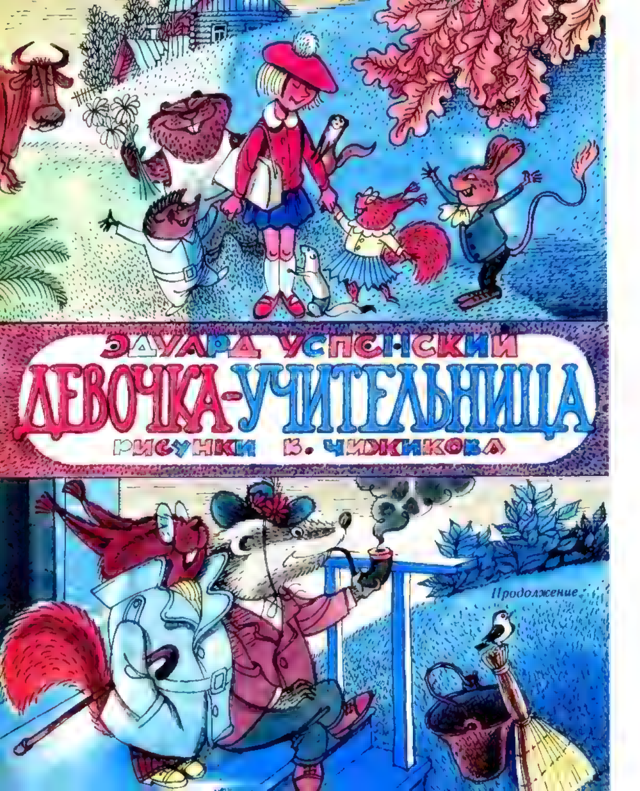
Тогда брось эти иголки в огонь.

Я достал чёрные еловые иголочки и бросил их в печку.

Они скрючились, вспыхнули и сгорели.

Рис. В. ДУВИДОВА

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. МОХНУРКА ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ

И вот оно, новое воскресенье.

Вся меховая мелкота с воплем выкатилась навстречу девочке Люсе. Очевидно, о приезде Люси они узнали от дежурного по разведывательному прибору — нюхоскопу. Там, на балконе дачи, наверняка дежурил загадочный перебинтованный Мохнурка — победитель игры в залезалки. Потому что его среди встречающих не было.

И они пошли в дачный посёлок к интернатскому зданию.

Застенчивая белочка в очках сказала Люсе:

— Мой пап приехал.

— Может быть, папа?

— Нет, мой пап! Пап — это же он. Вот он и приехал. А если бы мама, то она приехала бы.

— Вон её пап стоит! — сказала Фьюалка.— Видите, рядом с Мехмехом.

У дверей в класс на крыльце стоял Мехмех в легкомысленной зелёной шляпке с украшениями. А рядом невысокий, начавший полнеть белк. В светлом плаще с красиво поднятым воротником.

— Здравствуйте,— шагнул он навстречу Люсе.— Это вам. От папо-мамовского схода.

Он протянул маленький прозрачный флакончик с зёрнышками.

— Что это такое? — удивилась Люся.

— Камертоновые семена. Целая музыкальная октава. Их надо посадить в землю и поливать купоросовой водой.

— И что получится?

— Музыка из живых цветов. Они будут тихонечко звенеть от ветра. И играть разные мелодии. Вы очень обрадуетесь.

— Спасибо, большое спасибо! — сказала Люся. Про светомузыку она когда-то слыхала. Но про музыку из цветов... Интересно, а бывает дерево-музыка? Наверное, бывает. Тогда, значит, есть и целые лесосимфонии... у них... У кого у них?.. У меховых интернатников...

— А что такое папо-мамовский сход? — спросила она.

— Обычный родительский комитет,— прояснил Меховой Механик.— Родители учеников к вам очень хорошо относятся. Интернатники в своих письмах только про вас и пишут.

— Очень хорошее пишут,— сказал улыбчивый пап.— Можно, я у вас на уроке посижу? Мне интересно посмотреть, чем живёт сегодняшняя молодёжь.

— Сидите, пожалуйста,— сухо сказала Люся («Тоже мне, меховой инспектор из роно!») и пошла в директорскую за получальником.

По получальнику она выяснила, что неопрошенными в её классе оставались только хитрющая белочка в очках с первой парты (та самая, к которой приехал пап) и загадочный Мохнурка, который в получальнике записан не был. Может быть, он сидит на потолке, в дыре вместе с Плюмбум Чоки.

В классе все были на своих местах, и все встали на передние лапы. Причём представитель папо-мамовского комитета сделал то же самое. И парта под ним скрипела.

— Блюм,— сказала Люся через минуту. Все блюмкнулись.

— Кто у меня ещё ни разу не был у доски? — спросила Люся, в упор глядя на белочку в очках с первой парты. Её звали Цоки-Цоки.— Кто ещё ни разу не отвечал?

— Мохнурка! Мохнурка! — залопотала белочка.— Он ещё ни разу не отвечал.

— А где он? Он здесь? — спросила Люся.

— Здесь! Здесь! — волновалась белочка.— Он в печке сидит.

Люся удивилась и прошла по классу вдоль стенки к печке.

— А что он там делает?

Дверца печки раскрылась, и появилась хитрая усатая мордочка. Чёрная-пречёрная, как кусок темноты.

Мордочка сверкнула глазами и сказала:

— Я там прячусь.

— От кого?

Дверца снова перелистнулась:

— От света.

И дверца захлопнулась. Люся обратилась к ученикам:

— Кто мне объяснит, почему юный Мохнурка сидит в печке? И почему он прячется от света?

Все интернатники подняли лапы вверх. Даже хулиганистый Кара-Кусек.

— Скажите вы,— попросила Люся Лаковую Молнию.

Фьюалка встала из-за парты и сказала:

— Он норный.

Дверца печки приоткрылась на спичечный коробок, и высунулся кусочек носа:

— Я норный. Я очень норный.

Фьюалка продолжала:

— Все норные боятся света. Живут в темноте.

— Очень живут! Очень живут! — забормотал носик из печки.

Разговор запутывался, и вмешался ещё один разъяснитель — Сева Бобров. Он объяснил:

— Девочка Люся, он из кротовых. Они под землёй живут. Они темноту любят. А на улице очки носят тёмные. От солнца.

— Да! — затараторила Цоки-Цоки.— У меня простые очки, стеклянные. А у него чёрные.

— Где же его очки? — спросила Люся.— Почему он без них?

— Можно, я скажу?! — закричал ёжик Иг-

лоскин.— Когда он в залезалки играл, они разбились.

— Очень, очень разбились! — закуковал Мохнурка.

— Его перебинтовали, и он выздоровел,— продолжал ёжик.

— А очки перебинтовать не удалось! — горестно высунулся крот из печки, как из справочного окошка.

— А ну, малыш, примерь вот это! — раздался голос с задней парты. Это белочкин пап достал роскошные противосолнечные очки. Всеволод Бобров взял очки и засунул их в печку. Дверца распахнулась, и оттуда торжественно выбрался наружу упитанный кротёнок. Чёрный-пречёрный, и вдобавок весь в саже.

Он подошёл к Люсе, протянул ей лапу и вежливо представился:

— Мохнурка Великолепный.

Люся пожала лапу и увидела, что она теперь тоже в саже.

— Вот что, уважаемый Мохнурка, возьмите ве[illegible] и подметите себя. Потом пойдите на пруд вместе с Бобровым и вымойтесь как надо. После этого мы будем знакомиться.

Мохнурка не стал бунтовать. Он взял веник и стал смахивать на всех сажу.

— Не подметается! — сказал он, пытаясь хлестать себя как в бане.

— Можно, я его подмету? Можно, я? — захлопотала белочка.

— Я и пропылесосить могу.

— Хорошо,— решила Люся.— Берите этого очень норного юношу, отчистите и приведите обратно.

Троица с удовольствием удалилась. А Люся сказала:

— Сегодня мы будем проходить... будем... мы будем разбирать предложение на составные части.

Она заложила руку за спину и важно зашагала.

— Возьмём хотя бы такое предложение,— она задумчиво посмотрела на потолок. Там предложения не было... На учеников. Они не подсказывали... На белочкина папа... Он сам ждал, что же возьмут. И наконец, в окне она увидела. Там было предложение: «Грузовик едет».

— Возьмите ваши тетрадки и запишите это предложение.

Меховые школьники как по команде свесили языки направо и стали писать.

Люся ходила по рядам и смотрела в тетра... то есть в листалки. Каких там только ошибок не было! И «ГрузАвик», и «КруСавик», и даже «Кузовик». И было сказано, что он «едИт», «Йедет», и даже, что он «Е-деД».

Люся написала это предложение на доске и спросила:

— Из каких частей состоит это предложение? Пусть ответит ученик Биби-Моки.

Биби-Моки выбрался из-за парты, и стало видно, что это не ученик, а ученица. Потому что Биби-Моки была в ярко-зелёной короткой юбочке. Она сказала застенчивым голосом:

— Из двух частей. Из «действователя» и «действа».

— Правильно,— сказала Люся. Хотя она впервые в жизни слышала про «действователь» и «действо». Она знала, что есть подлежащее и сказуемое.— А теперь мы расширим это предложение и запишем его так: «Синий грузовик едет с дровами по дачному посёлку»

Все ученики снова заработали. И снова в тетрадях появились «крусавики», «пасёлки», и даже возник какой-то загадочный «е-дед с дровами».

Отворилась дверь. Интернатники сделали стойку на лапах. Только зря, потому что вошла бригада, брошенная на чистку Мохнурки.

Мохнурка начальственно сказал.

— Блюм!

В этот раз он был чистый, но мокрый. Хоть развешивай его на канате сушить.

«Куда бы его пристроить?» — подумала Люся. На плане класса Мохнурки не было.

— Есть у вас своё место? — спросила Люся.

— Нет,— ответил крот.— Я сверхнормный

«Мало того, что он норный, он ещё и сверх-

нормный!» — подумала Люся. Не сажать же его в печку.

Девочка взяла стул и устроила Мохнурку рядом с Иглоскиным.

— Давайте, я тоже буду учитель? — предложил он, подняв на Люсю чёрные очки.— Я буду ваш заместитель.

— Нет! — рассердилась Люся.— Ты не будешь учителем. Ты будешь отвечателем. Вот видишь, на доске написано предложение: «Синий грузовик едет с дровами по дачному посёлку». Из каких частей оно состоит?

— Из... из... из вот каких. Из грузовика и посёлка.

— И всё?

— Нет, не всё. Ещё из колёс, из кузова, из кабины, из шофёра, из дач, из много-много дров...

— Ты ничего не забыл? — ехидно спросила юная учительница.

— Он шины забыл! — закричал Бурундуковый Боря.

— Ещё горин! — подпрыгнул на задней парте тушканчик.

— Какой такой горин?

— Который в моторе горит. Без него машина далеко не уедет.

— Нет, дорогие интернатники, это мы с вами далеко не уедем, если так будем предложение разбирать на части. В моей школе действователь называют подлежащим, а действование — сказуемым. А что можно сказать о слове «синий»? Какой это член предложения?

— Синий,— сказал Мохнурка.

— Сам ты синий! — чуть-чуть не закричала Люся. Потому что с появлением этой темноты из печки жизнь в классе явно осложнилась.

— Это определение. Это слово определяет, какой грузовик. Описывает его. Рассказывает о нём. Характеризует его. Понятно? — спросила она у красавицы Ласки.

— Понятно,— ответила Ласка.

— Значит, как называется этот член предложения?

— Характеризователь.

— Допустим... Есть ещё такие же в предложении?

— Есть,— ответила Ласка.— Слово «дачный».

— Правильно. А больше нет?

— Больше нет.

— Нет, есть! — возразил Мохнурка.

— Да? — удивилась Люся.— Какие же?

— Там дрова берёзовые. Я сам видел.

— Что ты там видел, не имеет значения. Имеет значение то, что написано на доске. А на доске нет такого характеризователя «берёзовые».

Потом Люся задумалась и спросила:

— А каких характеризователей ещё нет на доске?

Мохнатые школьники задумались. Люся пошла по рядам и стала останавливаться у каждой парты.

Ученики поднимались и говорили.

— Грузовик сильный! — сказал Иглоскин.

— Отлично.

— А дрова невкусные,— заявил Сева.

— Почему?

— Потому что берёзовые. Были бы осиновые, были бы вкуснее.

— Я не пробовала ни осиновых, ни берёзовых,— сказала Люся.— Но я тебе верю. Ещё что мы можем сказать о грузовике и о посёлке.

— Посёлок погрустневший,— сказал Сева.

— Это почему ещё? — удивилась Люся.

— Потому что дрова невкусные! — бросил реплику горностай Снежная Королева.

Все засмеялись.

— И не поэтому! — возразил Бобров.— Потому что осень. Грачи улетают. Жалко.

Люся поняла, что она скоро запутается в дровах и грузовиках. Она сказала:

— Всё. У нас хватит характеризователей. Теперь мы вставим их в предложение. Вот что получится: «Синий и сильный грузовик едет по погрустневшему дачному посёлку с берёзовыми невкусными дровами».

Прогудел начинальник.

В кабинете директора белочкин пап подошёл к Люсе:

— Я просто восхищён вами. Вы так хорошо всё объясняете.

Он повернулся к диру:

— Оказывается, предложения состоят из дров.

Продолжение следует

АЗБУКА ЗДОРОВЬЯ

Выпуск 3 ведёт врач И. СЕМЁНОВА

Настал первый день каникул, а Никита сидит грустный-прегрустный. Подбородок платком подвязан. На мои вопросы не отвечает.

— У тебя, я вижу, зубы болят. Пойдём-ка, Никита, к зубному врачу.

Тут Никита дар речи обрёл:

— Нет, не надо к врачу, он к нам в школу на прошлой неделе приезжал. Мне дупло пломбой закрыл, сказал, после каникул снова прийти, а пока не велел много сладкого есть. А я не послушал, в гостях был, конфет наелся: и леденцов, и шоколадных, и помадок.

— Ах, сластёна, сластёна, что же ты наделал!

Взяла я сухой шалфей, заварила, процедила, соды питьевой добавила и дала Никите. Пополоскал он рот — боль утихла. Повеселел Никита, снял платок и говорит:

— Какая трава душистая! Пахнет летом и лесом. А вы прямо как колдунья: накидали травы в котелок, сварили зелье, и боль прошла.

— Нет здесь никакого колдовства. Шалфей — средство старое, народное. Им ещё наши прабабушки зубы лечили. Но лучше до него дело не доводить. Беречь зубы надо. Чистить утром и вечером жёсткой зубной щёткой, чтобы вредные бактерии в зубах не застревали. Грызть крепкие яблоки и морковку, это дёсны укрепляет. Не запивать холодное мороженое горячим чаем. Резкая смена температуры разрушает эмаль. А у людей с больными зубами чаще бывают ангина и насморк, пропадает аппетит, да и устают они быстрее.

— Вот и зубной врач, когда к нам в класс приходил, говорил всё точно так же. Только кое-кто об этом забыл.

— Ну что, может, ещё раз зайти напомнить?

— Не надо, я сам напомню. Я теперь учёный,— сказал важно Никита.

Рис. О. МОНИНОЙ

Ефим ТАРЛАПАН

Перевёл с молдавского
Владимир ДАНЬКО

В огороде старичок
Встал на грядке — и молчок.
Чуб зелёный, красный нос,
Да такой, что в землю врос.

(Морковка)

Тёплым белым кругом хлеба
Солнышко спустилось с неба,
Долго пахарь полем шёл,
Хлеб тот осенью нашёл.

(Урожай)

ТРУСИШКА НИКЭ

В лес пришёл трусишка
Нйкэ,
Потянулся к землянике,
Вдруг зверёк из-за куста,
Длинноухий, без хвоста —
Прыг!..
Задрожал трусишка Никэ,
Позабыв о землянике
И помчался во весь дух —
Ух!..
А зверёк-то был зайчишка!
Поглядел он Никэ вслед
И сказал: «Я сам трусишка
Но таких, как Никэ,
Нет!»

КОРШУН И ПТИЧКА

Что за птичка-невеличка
Смело мчится в вышине?
— Берегись! — кричит ей Коршун.—
Попадёшься в когти мне!

Только птичка-невеличка
Унеслася в высоту.
Старый Коршун обознался:
Эту птичку звали... Ту.

СОРОКА

Огорчённая сорока
Возвращается с урока.
Весь урок болтала с сойкой
И домой вернулась с двойкой!

ДОЖДИК

— Кап-кап-кап!..— звенит над полем
Деловитый голосок.
Каждой капелькою дождик
Тянет к небу колосок.

А эту загадку
Знает ли кто! —
Осенью — сито,
Весной — решето.

(Дождь)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ветер пел, качая ветки:
«Спите, почки, спите, детки.
Кто всю ночь не будет спать,
Тот цветком не сможет стать».

Рис. В. ХЛЕБНИКОВОЙ

Ежемесячный журнал издаётся с мая 1924 года

Сдано в набор 09.02.84.
Подписано в печать 17.02.84.
Формат 84×108 1/16.
Печать офсетная.
Условн. печ. л. 3,36.
Усл. кр.-отт. 13,4.
Уч.-изд. л. 4.
Тираж 5 700 000 экз.
Цена 15 коп.
Заказ 87.

Адрес редакции журнала «Мурзилка»:
125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., д. 5а.
Телефон 285-18-81

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущёвская, 21.

Макет Г. ХОЛОДОВСКОГО
Рисунок на обложке Б. КЫШТЫМОВА

Цена 15 коп.

ISSN 0132—1943

Индекс 70553

РИСУЮТ ДЕТИ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Дружба.
Рис. Янки ГЕНЗОВОЙ

Пускаем воздушных змеев.
Рис. Моники ПЛЕВИКОВОЙ

Мой друг.
Рис. Яна ГАЛИКА